

DOI: 10.24411/2618-9674-2018-10032

Петрушко В. И.

**Проект поставления архиепископа Дионисия Суздальского
на Киевскую митрополию
в контексте московско-литовских отношений**

Взаимоотношения между высшей государственной и церковной властями в Древней Руси в 1370-е — 1380-е гг. не слишком часто привлекают внимание историков. В некоторой мере эта тема затронута в работе Б. В. Кричевского «Митрополичья власть в средневековой Руси»¹, не будучи при этом самостоятельным предметом исследования. В большей степени указанной темы касался в своем труде «Византия и Московская Русь»² протопресвитер Иоанн Мейендорф. Однако, исследователь настолько был склонен рассматривать указанную тему сквозь призму византийско-русских церковных и политических связей, что одним ведущих из элементов обрисованной им «греко-центричной» картины церковной жизни Руси эпохи Дмитрия Донского становится «московский сепаратизм». С подобной трактовкой, которая, как представляется, в известной степени несет на себе печать юрисдикционных споров XX в., трудно согласиться.

Проблема государственно-церковных отношений в правление великого князя Дмитрия Ивановича в наибольшей степени нашла отражение в работе Г. М. Прохорова «Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе»³. Первое ее издание увидело свет в 1978 г. В предисловии ко второму изданию этой книги, вышедшему в 2000 г., автор подчеркнул «Нужды что-либо изменить в ней — за исключением поправки и добавки некоторых мелочей — я до сих пор не увидел»⁴. Между тем, далеко не со всеми выводами, содержащимися в указанной работе можно согласиться. В частности, представляется, что Г. М. Прохоров, как и прот. Иоанн Мейендорф, склонен преувеличивать политическое воздействие Византии на Древнюю Русь в указанный период и, напротив, недооценивает влияние сложных и весьма переменчивых московско-литовских отношений на церковные дела. Также приписывая великому князю Московскому стремление исходить преимущественно из интересов Великой Руси — в ущерб общерусским, исследователь не находит внятного объяснения многим действиям Дмитрия Донского. В частности, это касается решения великого князя заменить на Русской митрополии Пимена святителем Дионисием Суздальским.

* * *

После того, как была одержана победа на Куликовом поле, в Москве стало известно о том, что направленный великим князем Дмитрием Донским в Константинополь на поставление на митрополию Михаил Митяй умер, а вместо него митрополитом

¹ Кричевский Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси. СПб., 2003.

² Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке // Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 337-574.

³ Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000.

⁴ Там же. С. 6.

на Великую Русь патриарх Нил поставил Пимена. Его выдвижение на митрополию без ведома великого князя предприняло московское посольство в столице Византии. Как и следовало ожидать, самовольство московских посланцев и гигантские долги, в которые Пимен влез от имени Дмитрия Ивановича, чтобы раздавать взятки византийским церковным и придворным чиновникам, вызвали гнев великого князя. Он не только отказался признать Пимена митрополитом (как, впрочем, и сделанные им долги), но и пошел на прежде немыслимую меру — призвал из Литвы Киприана, чтобы тот принял на себя управление и великорусской частью Киевской митрополии⁵.

Признать митрополитом Киприана, прежде столь нелюбимого Дмитрием Ивановичем, великого князя побудили не только скандальные обстоятельства поставления Пимена. После Куликовской битвы Москва усилилась, и возможность литовско-ордынского союза при Тохтамыше уже не выглядела столь реальной, как при Мамае. Дмитрий Иванович, похоже, теперь уже не опасался, что митрополит Киприан, находясь в Москве, будет выступать как проводник влияния Литвы, где после кончины Ольгерда между его сыновьями, братьями и племянниками сложились весьма сложные отношения. В таких условиях многие литовские князья, недовольные политикой ставшего великим князем Литовским Ягайло, искали поддержки в Москве. Братья Ягайло — князья Андрей и Дмитрий Ольгердовичи — во главе своих дружин участвовали в Куликовской битве. Ведущим московским воеводой стал князь Дмитрий Михайлович Боброк-Волынский — также один из главных героев Куликовской битвы⁶. Высказывалось мнение, что к появлению в Москве служилых литовских князей был причастен Киприан, что повлияло на перемену в отношении к нему Дмитрия Донского⁷.

23 мая 1381 г. митрополит Киприан торжественно въехал в Москву⁸. Уже в 1381 г. он завершил работу над Пространной редакцией жития св. митрополита Петра⁹. Этот труд был призван засвидетельствовать, что Киприан полностью разделяет характер государственно-церковных отношений, сформировавшихся на Руси трудами его предшественников — святителей Петра, Феогноста и Алексия. Митрополит Киприан своим книжным трудом фактически декларировал продолжение и развитие промосковского курса первосвятителей предшествующей эпохи. Это, безусловно, способствовало тому, что между Киприаном и Дмитрием Донским, несмотря на былую неприязнь, постепенно стали складываться вполне конструктивные отношения.

На этом фоне появление в Москве митрополита Пимена, наконец-то решившегося вернуться домой, было воспринято Дмитрием Ивановичем резко негативно. Когда осенью 1381 г. Пимен уже достиг Коломны и собирался въехать в Москву, по приказу великого князя он был задержан и взят под стражу: «Сняша с него клобук белый с главы его и розведоша около его дружину его и думци его и клиросници его, отъяша от него и ризницу его, и приставиша к нему некоего боярина именем Ивана сына Григориева Чюровича, нарицаемого Драницу». Вскоре Пимен был отправлен «в изгнание и в заточение»¹⁰.

Первое пребывание митрополита Киприана в Москве оказалось непродолжительным — на отношениях великого князя и митрополита вскоре вновь драматически

⁵ ПСРЛ. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 199, 206.

⁶ Этот не имевший собственного удела князь, скорее всего, принадлежал к числу измелъчавших потомков Даниила Галицкого или Гедимины Литовского.

⁷ См.: *Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987. С. 124, 128-129.

⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 199, 206; Т. 35. М., 1980. С. 50.

⁹ *Прохоров Г. М.* Житие митрополита Петра // СККДР Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 163-166.

¹⁰ *Прохоров Г. М.* Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. С. 454-455.

отразилось обострение русско-ордынских отношений, в результате которого итоги Куликовской битвы, по сути, были сведены на нет. Летом 1382 г. вновь объединивший Орду под своей властью Тохтамыш начал поход на Москву. Дмитрий Донской, не имея сил для сражения с ордынцами, был вынужден покинуть Москву и уехать в Кострому, чтобы собрать войско. Великий князь был уверен, что белокаменный Кремль Москвы выстоит, — он оставил в городе свою супругу великую княгиню Евдокию Дмитриевну и детей. В Москве также оставался митрополит Киприан, на помощь которого в организации обороны города Дмитрий рассчитывал. Но в отсутствие великого князя в Москве в августе 1382 г. наступила анархия, начались массовые беспорядки¹¹. В такой ситуации великая княгиня Евдокия с детьми и митрополит Киприан решили покинуть город, оборонять который, с учетом охватившего москвичей настроения, было невозможно. Митрополит уехал туда, где ордынцы точно не могли появиться, — во враждебную Москве Тверь¹².

После взятия и сожжения Москвы Тохтамышем давний недруг Дмитрия Донского Тверской князь Михаил Александрович решил воспользоваться обстоятельствами и уже в начале осени 1382 г. тайком поехал в Орду в надежде заполучить ярлык на великое княжение Владимирское¹³. Это дало Дмитрию Ивановичу повод усмотреть в отъезде митрополита Киприана в Тверь во время осады Москвы не просто попытку спасти свою жизнь, но новую интригу против Московского князя с участием Твери и, возможно, Литвы. 7 октября 1382 г. Киприан вернулся в Москву¹⁴, но вскоре был выслан по приказу Дмитрия Донского в Литву. Киприан вернулся в Киев, после чего вновь возник «мятежь во митрополии»¹⁵. Вторичное изгнание митрополита Киприана из Москвы неожиданно возродило из политического небытия фигуру Пимена. В конце 1382 г., сразу же после отъезда Киприана в Литву, Дмитрий Донской «послалъ по Пумина по митрополита». Великокняжеские послы привели «его изъ заточения къ себе на Москву и приа его съ честию и съ любовию на митрополию»¹⁶.

Усиление Орды закономерно заставило Дмитрия Донского искать союза с Литвой. В 1383 г. при посредничестве вдовы Ольгерда — княгини Юулиании Александровны Тверской Дмитрий Иванович заключил союз с ее сыновьями — великим князем Литовским Ягайлом и его братьями Скиргайлом-Иоанном и Корибутом-Димитрием. Ягайло обязался вступить в брак с дочерью Дмитрия Ивановича, принять Православие и распространить его в Литве¹⁷.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 207.

¹² ПСРЛ. Т. 25. С. 207, 210; Т. 35. С. 50.

¹³ *Присёлков М. Д.* Троицкая летопись. М.; Л., 1950. С. 425. Осенью 1382 г. Тохтамыш вызвал Дмитрия Донского в Орду, потребовав от великого князя немедленной уплаты дани. Дмитрий Иванович справедливо опасался, что в Орде его могут казнить. Поэтому сам к Тохтамышу он не поехал, а направил к нему весной 1383 г. своего 11-летнего сына и наследника Василия Дмитриевича, которого сопровождали видные московские бояре. Московское посольство привезло хану дань — 8 000 гривен серебра. Такое изъявление покорности удовлетворило Тохтамыша, и он, сочтя, что уже достаточно наказал и смирил Москву, не стал поддерживать притязания Михаила Александровича Тверского на великое княжение, оставив его за Дмитрием Донским. Его послушание хану должен был гарантировать оставленный Тохтамышем в качестве заложника в Орде Василий Дмитриевич.

¹⁴ Митрополита Киприана привезли в Москву великокняжеские бояре С. Т. Валуев и М. И. Морозов, которых направил в Тверь за митрополитом Дмитрий Иванович (ПСРЛ. Т. 25. С. 210).

¹⁵ ПСРЛ. Т. 35. С. 50.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 15. М., 2000. Ч. 1. Стб. 147.

¹⁷ Описание архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. М., 1977. С. 34-35; *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Ч. 1. С. 50-51.

Эти события совпали по времени с возвращением из Константинополя на Русь зимой 1382–1383 гг. Дионисия Суздальского. Он прибыл из Византии удостоенным от патриарха Константинопольского сана архиепископа¹⁸ и права ношения крещатой фелони: «Исправи себе архиепископию у патриарха у Нила и сущимъ по себе епископомъ в томъ пределе, в Суздали и в Новгороде и на Городци; и дасть ему патриархъ и весь вселеньский соборъ фелонь с четырьми кресты»¹⁹. Кроме того, Дионисий прибыл на Русь не только как архиепископ, но и как патриарший экзарх. После такого триумфа Дионисий уже мог не опасаться немилости со стороны Дмитрия Донского за то, что некогда он наиболее решительно оспорил попытку Дмитрия Ивановича добиться поставления на митрополию Михаила-Митяя. Впрочем, история с Митяем после Куликовской битвы и Тохтамышева нашествия, вероятно, вообще уже выглядела как событие из давно минувшего прошлого.

В качестве патриаршего экзарха архиепископ Дионисий побывал в Пскове и Великом Новгороде и лишь после этого поехал в свою Суздальско-Нижегородскую епархию²⁰. В Псков и Новгород Дионисий был направлен, прежде всего, для борьбы с еретиками стригольниками. Архиепископ Дионисий привез патриаршие послания псковичам²¹ и новгородцам²², касавшиеся проблемы борьбы с еретиками. Кроме того, экзарх пытался решить проблему введения общежительного устава в псковских монастырях, в числе которых была Снеготорская обитель. Архиепископ Дионисий на правах патриаршего экзарха обязал Снеготорскую братию соблюдать правила общежительствия под угрозой отлучения от Церкви²³. Эти меры способствовали тому, что за Дионисием закрепилась репутация одного из наиболее ярких и авторитетных иерархов Русской Церкви.

Очевидно, что великий князь Дмитрий Донской согласился на возвращение митрополита Пимена из ссылки только как на лучший вариант из худших, предпочтя его еще более нелюбимому им Киприану. Но отношение великого князя к Пимену не сильно отличалось от тех чувств, которые он питал к Киприану, особенно после того, как Дмитрий Иванович узнал от Дионисия Суздальского скандальные подробности поставления Пимена на митрополию.

Вскоре великий князь решает направить в Константинополь на поставление митрополитом вместо Пимена только что вернувшегося оттуда архиепископа Дионисия²⁴. В новой поездке в Византию его сопровождал игумен Феодор Симоновский. Архиепископ Дионисий и игумен Феодор к концу лета 1383 г. прибыли в Константинополь для обсуждения с патриархом Нилом вопроса «о управлении митрополю Русские»²⁵.

Истинная цель второй поездки святителя Дионисия Суздальского в Константинополь, судя по всему, держалась в тайне. Во всяком случае, открыто о Дионисии

¹⁸ В грамоте Константинопольского патриарха Нила о возведении Дионисия в сан архиепископа о нем говорилось как о подвижнике-аскете и знатке Священного Писания и канонов (РИБ. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1908. № 23. Стб. 199-204).

¹⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 210-211.

²⁰ Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 379.

²¹ РФА. М., 2008. № 119. С. 399-402.

²² РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 31. Стб. 183-188. В грамоте также шла речь о пошлинах, взимаемых с церковных ставленников.

²³ Грамота архиепископа Дионисия псковскому Снеготорскому Рождества Богородицы монастырю датирована февралем 1383 г. (РФА. № 132. С. 479-481).

²⁴ См. подробнее: Булычев А. А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87-121.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. М., 2000. Стб. 148; ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

как будущем митрополите в Москве не говорили, а Пимен в это время продолжал исполнять обязанности митрополита. Так, зимой 1383–1384 гг. он совершил в Москве поставление инок Троице-Сергиева монастыря Михаила во епископа Смоленского²⁶. Поставление Михаила на Смоленскую кафедру свидетельствует о том, что Пимена признавали законным митрополитом не только на территории, непосредственно подчиненной Дмитрию Донскому, но и в других княжествах, в политическом отношении тяготевших к Москве²⁷. Тогда же митрополит Пимен рукоположил выдающегося миссионера и просветителя коми-зырян Стефана Храпа, постриженника Ростовского монастыря св. Григория Богослова «в Затворе», во епископа Великопермского²⁸.

Поездка архиепископа Дионисия в Константинополь в 1383 г., как можно думать, была обусловлена не только и не столько неприязнью, которую великий князь Дмитрий Иванович питал к митрополиту Пимену. В гораздо большей степени ее причиной можно считать вышеупомянутое политическое соглашение, заключенное между Дмитрием Донским и Ягайло Литовским. Вероятно, великие князья Московский и Литовский достигли договоренности об одновременном устранении Пимена и Киприана и возведении на общерусский митрополичий престол нового общего ставленника, который не был бы причастен к церковным интригам предшествовавшего времени. Судя по всему, святитель Дионисий ехал в Константинополь в качестве кандидата обоих великих князей — Московского и Литовского, о чем может свидетельствовать его последующий визит в Киев в качестве новопоставленного митрополита. В этой связи следует отметить, что поставленный лишь на великорусскую часть митрополии Пимен такого традиционного первосвятительского визита в Киев по приезду на Русь не совершал.

Архиепископ Дионисий привез из Москвы в Константинополь письма, содержавшие обвинения в адрес митрополита Пимена. Феодор Симоновский сообщил патриарху о просьбе великого князя Дмитрия Ивановича низложить митрополита Пимена и поставить на его место Дионисия. В марте 1384 г. патриарх Константинопольский Нил поставил Дионисия митрополитом Киевским и всея Руси²⁹, не слишком смущаясь тем, что ранее он же возвел на митрополичью кафедру Пимена. При этом поставление Дионисия митрополитом не сопровождалось низложением Пимена и Киприана, что по вине Константинополя создавало в Русской Церкви довольно абсурдную в каноническом плане ситуацию, урегулировать которую было весьма сложно.

В конце весны 1384 г. митрополит Дионисий прибыл в Киев. В древнерусских литературных памятниках об этом святителе нередко говорят как об уроженце Киева и постриженнике Киево-Печерского монастыря³⁰. Возможно, что именно данное обстоятельство могло повлиять на то, что Дионисий стал общим кандидатом в митрополиты как великого князя Дмитрия Донского, так и Ягайло Литовского. Позднее, в 1432 г., имела место схожая ситуация, когда великий князь Литовский Свидригайло направил на поставление в Константинополь в качестве своего кандидата на Русскую митрополию Смоленского епископа Герасима, москвича по происхождению³¹. Данное обстоятельство, вероятно, по мысли великого князя Литовского, могло способствовать признанию

²⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

²⁷ Князь Юрий Смоленский был в то время союзником великого князя Дмитрия Донского.

²⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

²⁹ ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 149; Т. 25. С. 211.

³⁰ В этом, однако, выражают сомнение некоторые современные исследователи (Флоря Б. Н. Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233-237; Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С. Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241-246).

³¹ ПСРЛ. Т. 17. СПб., 1907. Стб. 419-420.

Герасима митрополитом в великорусских епархиях. Не исключено, что выбор московского уроженца Герасима в качестве кандидата на митрополию был своего рода аллюзией на поставление общерусским митрополитом Дионисия полувеком ранее.

Если Дионисий действительно был киевлянином, то не приходится удивляться тому, что свой первый визит в качестве митрополита Киевского и всея Руси он предпринял на свою родину. Но даже если Киев не был для Дионисия родным городом, его приезд сюда можно объяснить необходимостью заявить о своих правах на Киевский митрополичий престол в качестве единого предстоятеля Русской Церкви и перенести Киприану вызов явиться в Константинополь на суд патриарха.

Однако решение Дионисия посетить Киев в итоге стоило ему не только митрополичьей кафедры, но и жизни. К этому времени резко изменились отношения между Москвой и Литвой. Реализация соглашения между Ягайло и Дмитрием Донским была чревата для Великого княжества Литовского усилением в нем московского влияния и, в конечном счете, его растворением в составе единой Руси. Литовская знать предпочла такому развитию событий другое выгодное политическое предложение — союз с Польшей, направленный как против общего врага — Тевтонского ордена, так и на расширение литовской экспансии на восток. Поскольку в Польше вымерла национальная королевская династия Пястов, престол перешел к представительнице венгерской линии Анжу-Капетингов — Ядвиге. Ягайло было предложено вступить с ней в брак и стать Польским королем, сохранив за собой и великое княжение Литовское. Разумеется, условием такого договора было принятие самим Ягайло и литовскими язычниками католицизма, а не Православия, как планировалось ранее. Литовский великий князь считал предложение поляков более заманчивым, чем союз с Москвой, который в итоге был им расторгнут.

По этой причине княживший в Киеве брат Ягайло, Владимир Ольгердович, отказался подчиниться решению патриарха Константинопольского Нила о смещении Киприана и поставлении на митрополию Дионисия. Амбициозный Киевский князь упрекнул святителя Дионисия в том, что он «пошелъ еси на митрополию въ Царьградъ» без его «повеления». Владимир Ольгердович приказал заточить митрополита Дионисия в тюрьму³², где он «такъ пребысть в заточении в нятыи и до смерти»³³. Сообщая о заточении и смерти святителя Дионисия в Киеве³⁴, Никоновская летопись отмечает, что в момент прихода Дионисия Суздальского в Киев «тогда бысть въ Киеве митрополитъ Киприанъ». В свою очередь, князь Владимир Ольгердович также заявил, что «се бо на Киеве есть митрополитъ Киприанъ, и той есть всей Руси митрополитъ; пребуди убо zde седа въ Киеве»³⁵.

Делу о низложении митрополита Пимена в Константинополе был дан ход. Для расследования выдвинутых против него обвинений в Москву прибыли два греческих митрополита Матфей и Никандр, а «с ними архиѡдякони и прочии сановници». Они нашли претензии к митрополиту Пимену обоснованными и по поручению

³² ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 149-151; Т. 25. С. 211.

³³ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

³⁴ Скончавшийся «въ нятие и въ заточении» 15 октября 1385 г. (то есть спустя полтора года после ареста; ПСРЛ. Т. 25. С. 212) митрополит Дионисий был похоронен в Антониевых (Ближних) пещерах Киево-Печерского монастыря. В сообщении Рогожского летописца (1440-е гг.) о мощах св. Дионисия в Киеве говорится, что «есть тело его и доньне цело и нетленно» (ПСРЛ. Т. 15. Ч. 1. Стб. 151), что свидетельствует о рано начавшемся почитании Суздальского святителя. По-видимому, спустя некоторое время мощи св. Дионисия были перенесены из Киево-Печерского монастыря в Нижний Новгород (Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С. Дионисий, свт., архиеп. Суздальский. С. 241-246).

³⁵ ПСРЛ. Т. 11. М., 2000. С. 85.

патриарха Нила вызвали его на суд³⁶. 9 мая 1385 г. Пимен был вынужден отправиться в Константинополь³⁷. Летом 1386 г. по приказу великого князя Дмитрия Донского туда же вновь поехал архимандрит Феодор Симоновский «о управленьи митрополии»³⁸. Феодор опять выступил в качестве обвинителя Пимена. Не исключено, что визит Симоновского архимандрита к патриарху был связан с тем, что Византию также посетил митрополит Киприан³⁹. Последнему, похоже, стало известно о проблемах Пимена, что вновь вселило в него надежду на поставление во главе всей Русской Церкви.

Интересно отметить, что летом 1386 г. также состоялась поездка в Константинополь архимандрита Нижегородского Печерского монастыря Евфросина «на поставление епископы Суздальский»⁴⁰. Поставление Суздальского архиерея не у митрополита, а непосредственно у патриарха могло иметь две причины: как отсутствие Пимена в Москве, так и отказ признавать его законным митрополитом.

Между тем, позиция великого князя Дмитрия Ивановича по вопросу о том, кого признавать Русским митрополитом, оставалась неопределенной. С одной стороны, он явно хотел избавиться от Пимена, с другой — не выказывал при этом настойчивости. Не демонстрировал он и намерения примириться с Киприаном. Но одновременно Дмитрий Донской не предлагал Константинопольскому патриарху какого-либо нового кандидата в митрополиты. Скорее всего, великому князю в то время просто было не до того, чтобы последовательно решать вопрос о новом предстоятеле Русской Церкви, так как в его отношениях с Великим княжеством Литовским наступили драматические перемены. Проект сближения с Ягайло не просто рухнул — альтернативой ему стал литовско-польский союз, угрожавший распространить власть Литовских государей на северо-восточные русские земли.

14 августа 1385 г. в замке Крево⁴¹ была заключена т. н. Кревская уния — соглашение, по которому великий князь Литовский Ягайло обязывался жениться на наследнице Польской короны Ядвиге, дочери Людовика I Анжуйского, короля Венгрии и Польши, и вступить на Польский королевский престол. Ягайло, уже бывший к этому времени православным⁴², обязался вместе со своими литовскими подданными-язычниками принять католичество. Он также обещал «навечно присоединить к Короне Польского королевства свои земли Литвы и Руси»⁴³. Исполняя Кревский договор, Ягайло вместе с родственными ему другими литовскими князьями 15 февраля 1386 г. принял католичество. Церемония состоялась в кафедральном костеле королевского Вавельского замка в Кракове. Ягайло крестился заново, приняв в католичестве имя Владислав. 18 февраля был заключен его брак с Ядвигой, а 4 марта состоялась коронация нового Польского короля⁴⁴.

В 1387 г. вслед за своим государем литовцы приняли католичество⁴⁵. В феврале 1387 г. была основана римско-католическая епископская кафедра в Вильно. Ее юрисдикция была распространена не только на литовские, но и на белорусские земли

³⁶ ПСРЛ. Т. 25. С. 211.

³⁷ Там же. С. 212; Т. 35. С. 50.

³⁸ ПСРЛ. Т. 25. С. 212.

³⁹ ПСРЛ. Т. 35. С. 50.

⁴⁰ ПСРЛ. Т. 25. С. 212.

⁴¹ Ныне на территории Гродненской области Белоруссии.

⁴² В православном крещении Ягайло получил имя Иаков.

⁴³ *Akta unji Polski z Litwą*. Kraków, 1932, Nr 1, s. 2.

⁴⁴ См. подробнее: *Смирнов М.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. Одесса, 1868.

⁴⁵ Сначала приняла католичество литовская знать, собравшаяся в Вильно, позднее, во время объезда страны королем, был крещен и простой народ.

Великого княжества Литовского, что сразу придало ее деятельности характер прозелитизма среди православных русинов. Король Владислав Ягайло наделил Виленский диоцез крупными земельными владениями и привилегиями: римско-католическая епархия была освобождена от выплаты налогов, получила полноту судебной власти над новокрещеными литовцами. В Литве были заложены первые католические храмы, литовские бояре-католики получили имущественные и иные привилегии (в том числе — право пользоваться гербами), а виленские горожане-католики — привилегией на Магдебургское право городского самоуправления⁴⁶.

Обращение литовцев в католицизм далеко не всеми в Великом княжестве Литовском было воспринято с одобрением. Сохранилось летописное сообщение о том, что, когда Владислав Ягайло «крести Литву в Немецькую же веру, половину своего города Вильны, а два Литвина его большие крестися в християнскую веру». Король «хоте ихъ крестити въ свою же веру, и не послушаша его». В ответ «король же Ягайло казни их многыми муками и смерти веде их предати»⁴⁷.

Заключение Кревской унии привело к возобновлению экспансии Литвы на восток. Весной 1386 г. литовцы разбили союзного Дмитрию Донскому Смоленского князя Святослава Ивановича. Князь Святослав погиб в сражении, и его место уже в качестве вассала великого князя Литовского занял Юрий Святославич⁴⁸. Сепаратистские настроения вспыхнули и в Великом Новгороде, жители которого установили тесные связи с Литвой. Возникла угроза перехода Новгорода под власть Владислава Ягайло. Новгородцы перестали выплачивать «княжчин» — традиционную дань великому князю Владимирскому и Московскому, полагавшуюся ему как князю Новгородскому. Новгородские ушкуйники разорили Кострому, Нижний Новгород и другие поволжские города.

Новгородский сепаратизм плавно перетек из политической сферы в церковную. В 1385 г. в Великом Новгороде состоялось вече, на котором было принято решение более не признавать верховного суда митрополита и не подавать ему апелляций на суд Новгородского владыки, высшей инстанцией церковного суда в Великом Новгороде был объявлен суд архиепископа Новгородского⁴⁹. Это соглашение было оформлено особой грамотой, скрепленной коллективной присягой новгородцев⁵⁰. Первые неудачные попытки устранить зависимость новгородской архиепископской кафедры от митрополита предпринимались еще в середине XIV в. Но лишь теперь, воспользовавшись смутными временами Русской митрополии, новгородцам удалось добиться успеха в этом вопросе.

В 1386 г. великий князь Дмитрий Донской совершил поход на Великий Новгород, в котором также участвовали войска союзных князей: Нижегородского, Городецкого, Ростовского, Ярославского, Стародубского⁵¹. Перепуганные новгородцы поспешили удовлетворить все требования великого князя⁵². Московский князь сумел сохранить положение безусловного лидера Северо-Восточной Руси. Дмитрий Иванович подтвердил это, объявив великое княжение Владимирское наследственным владением

⁴⁶ Флоря Б. Н. Владислав (Ягайло) // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 91-95.

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 213.

⁴⁸ Там же. С. 213-214.

⁴⁹ Архиепископ должен был вершить суд вместе с 4 новгородскими боярами и 4 «житыми людьми».

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 342.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 212-213.

⁵² Новгородцы выплатили Дмитрию Ивановичу Донскому не только положенные «княжчины», но и компенсацию за ущерб, нанесенный его поволжским землям — 8 тысяч гривен серебра.

Московского княжеского дома. Если прежде ярлык на великое княжение даровал кому-либо из русских князей ордынский хан, то теперь Дмитрий Донской в своем завещании объявлял о передаче великого княжения своему старшему сыну Василию уже как своей наследственной вотчины⁵³.

Необходимость сосредоточиться на решении столь важных политических проблем не позволяла великому князю Дмитрию Донскому заняться решением вопроса о митрополите. В Константинополе же не торопились разбирать дело Пимена, которое могло вскрыть весьма неприглядные факты коррупции в патриархии. В конце мая 1387 г. в столице Византии все-таки состоялся церковный Собор по делу Пимена, проходивший под председательством патриарха Нила, который некогда сам же и совершил поставление Пимена на митрополию. На Собор был также вызван и митрополит Киприан. Какого-либо определенного решения Собор, как и следовало ожидать, не принял — как повод для этого греки использовали досрочный отъезд Киприана из Константинополя. Митрополита Киприана обязали в течение года вернуться в византийскую столицу, чтобы продолжить разбирательство. Одновременно Киприану было предписано, чтобы он «никоим образом не совершал ничего святительского в Великой Руси и не ходил туда»⁵⁴.

Источники и литература

1. *Akta unji Polski z Litwą*. Kraków, 1932.
2. Булычев А. А. Из истории русско-греческих церковных и культурных взаимоотношений 2-й половины XIV столетия (судьба святителя Дионисия Суздальского) // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 87-121.
3. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л., 1950. № 12. С. 33-37.
4. Кричевский Б. В. Митрополичья власть в средневековой Руси. СПб., 2003.
5. Мейендорф И., прот. Византия и Московская Русь: Очерк по истории церковных и культурных связей в XIV веке // Мейендорф И., прот. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 337-574.
6. Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950.
7. Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 2. М., 1977.
8. Полное собрание русских летописей. Т. 11. М., 2000.
9. Полное собрание русских летописей. Т. 13. М., 2000.
10. Полное собрание русских летописей. Т. 15. М., 2000. Ч. 1.
11. Полное собрание русских летописей. Т. 17. СПб., 1907.
12. Полное собрание русских летописей. Т. 25. М.; Л., 1949.
13. Полное собрание русских летописей. Т. 35. М., 1980.
14. Полное собрание русских летописей. Т. 4. Ч. 1. М., 2000.
15. Присёлков М. Д. Троицкая летопись. М.; Л., 1950.
16. Прохоров Г. М. Житие митрополита Петра // СККДР Вып. 1. XI — первая половина XIV в. Л., 1987. С. 163–166.
17. Прохоров Г. М. Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы. Повесть о Митяе. СПб., 2000.

⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.. М.; Л., 1950. № 12. С. 33-37.

⁵⁴ РИБ. Т. 6. Ч. 1. Прил. № 32. Стб. 189-192.

18. Русская историческая библиотека. Т. 6. Ч. 1. СПб., 1908.
19. Русский феодальный архив XIV – первой трети XVI века. М., 2008.
20. *Смирнов М.* Ягелло-Яков-Владислав и первое соединение Литвы с Польшей. Одесса, 1868.
21. *Флоря Б. Н.* Владислав (Ягайло) // ПЭ. Т. 9. М., 2005. С. 91-95.
22. *Флоря Б. Н.* Договор Дмитрия Донского с Ягайло и церковная жизнь Восточной Европы // Неисчерпаемость источника: К 70-летию В. А. Кучкина. М., 2005. С. 233-237.
23. *Флоря Б. Н., Печников М. В., Преображенский А. С.* Дионисий, свт., архиеп. Суздальский // ПЭ. Т. 15. М., 2007. С. 241-246.
24. *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1948. Ч. 1.
25. *Шабильдо Ф. М.* Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. К., 1987.